
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

София Сеницкая. Хроника Горбатого: Роман. СПб.: Лимбус Пресс, 2022. — 288 с.

Мнения критиков о романе Софии Сеницкой разделились: от восторгов до отрицания. Споры идут даже о жанре. Что это? Роскошная пародия на исторические хроники? Роман-притча? Постмодернистский опус? Великолепие выразительных средств или неуместный для исторических произведений современный сленг? «Втиснуть» роман в постмодернистское прокрустово ложе не получается, а современный сленг в исторических романах давно не новость. Руны первой части отправляют в XII век на Карельский перешеек, туда, где пахнет купавой и кувшинками, болотной травой и соснами, где живут карелы и финны, куда заглядывают шведы и новгородцы. Православные и латиняне борются за души язычников. Благородные рыцари из Упсалы готовы крошить на мелкие кусочки тех, «кто не в курсе или сомневается, что Святой Дух вылезает как из Отца, так и из Сына, торговать надо со шведами, а новгородских слать подальше». Святые братья, отъевшись и отоспавшись после очередного похода, разбредаются по весям проверять, правильно ли люди Христа любят и что там у них в загнивших. Язычники хотят верить по-своему и прячутся в лесах, «где чудеса, где леший бродит». Во время одного из таких походов шведский рыцарь Фома Горбатый выкрал карельскую женщину с ребенком, мастерицу, что тклет волшебные непромокаемые и непробиваемые плащи. После смерти Фомы женщина вернется в родные места. В начале XX века потомки крестоносца и язычницы, живущие в уютном городе Виипури, будут размышлять о том, где кровушки больше пролилось: в священных рощах язычников или во время крестовых походов? Что лежало в основе крестовых походов: религиозные разногласия или то, что «кушать хочется, а религиозные несогласия — это повод отнять еду?» От истории переходят к текущим событиям, в какой-то момент звучит: «Войны — это душевная болезнь человечества. А наша страна — пешка в политической игре великих держав». Лишенное героики, гротесковое — но и жесткое — повествование о походах крестоносцев вполне укладывается в наши азбучные представления о тех временах. История XX века — это исторические факты, переведенные на язык романа: в эпизоды, в реплики, в диалоги, в судьбы героев. Например, расстрел в Аннинских укреплениях под Выборгом «всех, кто издали похож на коммуниста и не умеет считать до десяти на языке Суоми». Свидетелями, как рядом падают знакомые люди, становятся две русские актрисы, в последний момент выведенные из-под пуль. Страшна вполне поэтичная интерлюдия: забытая всеми в Мюнхене полуслепая старуха со светлыми грезами улетает в газовой камере в небытие. С. Сеницкая возрождает старый Выборг-Виипури: конкретные адреса, улицы, здания. Что-то можно увидеть и сегодня. Вымышленные персонажи беседуют с Гитлером, дружат с реальными художниками, читают

знакомые нам книги, цитируют трубадуров. Главные герои книги — семейство Тrolле. Глава семьи — художник Пяйве Тrolле, жизнелюбивый бонвиван, фонтанирующий счастьем. Самая известная его картина называлась «Суоми», это было аллегорическое изображение Финляндии: среди скал и карликовых берез курносая голая девушка, прикрытая плащом роскошных волос. Его сын Арви вырос пламенным финским националистом, он не раз пролетит кровь «рюсся», «лишь бы порадовать свою Суоми и спасти ее от русского дракона». Другого способа любить свою страну он не знал. В то же время он любящий дядюшка. У здравомыслящей дочери художника двое детей, воспитанных на европейской культуре: сын Эйно, унаследовавший не только боевой дух предков, но и горб, и дочь, романтичная Анна. Есть еще прибившийся к семье сирота Йозеф, потомок испанского выкреста и дочери немецкого раввина, считающий себя потомком испанских тамплиеров. Фанатичный дядюшка воспитывает молодежь в своем духе. Так во время обсуждения массового расстрела русских в апреле 1918 года он заявляет: «...прекратите обсуждать мою военную жизнь. Есть ситуации, когда надо наступить на горло своей гордыне, своему прекрасодушию и, принеся себя в жертву, согласиться на роль убийцы. ...Я должен был взять на себя ответственность и стать изувером, чтобы вы спокойно жили. Так вместо „спасибо“ камни в меня кидаете». Герои С. Синицкой живут, любят, дружат, сражаются, совершают ошибки и благородные поступки, как в древности, так и в XX веке. Молодые Тrolле примут участие во всех военных сражениях XX века на территории Карелии. На фронте ли, на крупных должностях в концлагерях будет бороться с «рюсся» Арви. Снайпером по прозвищу Горбатая Смерть станет Эйно, свою Прекрасную Даму, Анну, уйдет защищать от русских Йозеф. Эйно и Йозеф погибнут во Второй мировой войне, в Отечественной для русских. Даже Анна станет членом «Лотта-Свярд», хотя сначала скептически относилась к этой женской военизированной организации Финляндии. Из глубокой древности материализуются в XX веке второстепенные, но очень значимые для понимания смысла книги герои. Важную смысловую нагрузку несут разговоры Арви с Суоми — изображение девушки, запечатленной отцом на эскизе к картине, стало для Арви возлюбленной и постоянным собеседником. Обсуждают все текущие политические события: войны, пакты, союзы, «красную подругу Германии», требования этой «подруги» к Суоми. Эта Суоми неизменно вступает как оппонент Арви: терзая его дурными предчувствиями и прогнозами, она неизменно высмеивает его ультра националистические идеи. Вторым оппонентом Арви является его отец, что живет на средства нелюбимой шведки-жены, любит русскую актрису (натурщицу для образа Суоми). Очень символично! Он без тени сомнения русскую женщину и еврейку на своей картине представляет фюреру как аллегория дружбы Суоми и Германии. Художник Пяйве, человек без национальных предрассудков, выступает антиподом своему сыну. И если отец дарил близким счастье, то сын оставляет за собой выжженное поле. «Младший Тrolле занимался излюбленным делом — приносил в жертву „самое дорогое“». Перед уходом финнов из Виипури он заминировал дома, пивные, ресторанчики, квартиры родных и знакомых, «особенно расстарался в доме своей сестры». «Набив кошелек, рыцарь слопаёт рульку, как следует выпьет, обнимет девушку и завалится спать. А вот идейный, которого жжет изнутри, очень опасен», — предупреждал Йозеф. Убегая, Арви проклял город, посулив ему разрушение красоты и уюта. Символично, что верная собеседница Суоми покинет его: найти ее затертое изображение он не сумел. В преклонном возрасте Арви придет умирать в Выборг. Есть идеи, которые уничтожают мир, и отказ от мирного существования на божьей земле лишь одна из них. В книге С. Синицкой за лукавыми построениями заложено немало смыслов, актуальных в наше время. Тот случай, когда лучше читать саму книгу, чем отзывы о ней.

**Валерий Дымшиц. Из Венеции: дневник временно местного. Изд.-2-е, доп.
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. — 208 с.: ил.**

Непарадная Венеция. «Пустынный, пустеющий город, вроде северных деревень. Стоит выскочить за круг туристических маршрутов (а на это нужно всего десять-пятнадцать минут) — и ни души. Этажи, а то и целые дома стоят с глухо закрытыми деревянными ставнями. Особенно это заметно вечером, когда видны светящиеся окна и то, как их мало». Неудивительно, ведь сейчас в исторической части Венеции живет пятьдесят тысяч человек. Венецианская лагуна похожа на дельту Волги. «Унылые мелководья, бесконечные солоноводные рыжие болота, отмели, заливаемые в высокую воду, старицы, оставшиеся от наводнений». Валерий Дымшиц, преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге, осенью 2016 года в течение нескольких месяцев вел курс в итальянском университете. Город каналов и мостов стал для него естественной средой обитания. И каждый день он открывал что-то новое. Утонувшие крылечки домов: вышел из парадной — и в лодку. Отливы, обнажающие покрытые мидиями остовы городских домов, и могучие, грубо обработанные бревна — причальные столбы для лодок, подпорки дебаркадеров, вехи, размечающие фарватер. Штука-турка, что местами шелушится даже с фасада Дворца дождей. «Некоторая обшарпанность Венеции мне очень нравится: вроде дырок на дорогах джинсах». В. Дымшиц — мастер неожиданных, метких, лаконичных сравнений. «Пошел тяжелый крупный дождь. Вода в канале стала похожа на шкуру кактуса». Как петербуржец он не раз проводит параллели между Венецией и городом на Неве, хотя и считает сравнения двух городов «равно обязательными и равно бесполезными». «Вспоминать Петербург в Венеции так же уместно, как Ревель — на Таити». Но трудно привыкнуть к тому, что если в Петербурге поездка на кораблике — всегда развлечение, то в Венеции просто способ добраться на работу. Автора не интересует итальянский быт, разве что внимания заслужил особый неторопливый ритм жизни, при котором невозможно даже опоздать куда-либо, даже на самолет, потому что твой рейс все равно будет задержан. Из насельников города В. Дымшица в первую очередь привлекают птицы: жирные чайки, похожий на птеродактиля баклан, большая белая цапля — белее, чем итальянский морской офицер, но такая же подтянутая и педантичная. Еще моллюски пателлы, они же «китайские шапочки», чьи раковины — низкие конусы с тупым углом на вершине действительно похожи на шапку то ли китайского, то ли японского крестьянина. Мелькают и люди: мальчики с темно-русыми волнистыми волосами, что убежали с картин, алтарей и карнизов и колотят мячом в стену готического собора; бородатый мужчина с нервным лицом маньеристского святого. Венеция Дымшица — город неожиданных открытий, где по дороге на рынок, которая вся-то десять минут, можно забрести в две церкви и в одной увидеть отличную скульптуру и замечательное «Благовещение» позднего Тициана, в другой, очень древней, — выставку музыкальных инструментов XVII века. «А что сегодня видели вы, когда ходили утром за молоком и картошкой?» В Венеции в базилике на Бурано на почетном месте расположена Казанская в окладе, украшенном финифтью, а рядом объяснение на итальянском; в боковом алтаре не самой посещаемой церкви можно обнаружить самую известную картину Микеле Джамбоно, одного из главных венецианских художников середины XV века, изображение святого Христофана, плащ у которого — вылитая хохлома, а сам он похож на Алешу Поповича. Часто в главном алтаре стоит древняя икона с румяной Мадонной, а огромные полотна Тинторетто тускло тлеют во мраке боковых нефов. Почти в каждой церкви висят православные иконы — византийские, критские или русские. Помимо церквей В. Дымшиц посещал музеи и картинные галереи. Музей академии, Музей Пегги Гуггенхайм,

Муниципальная Международная галерея современного искусства, Музей Каррер... Книга насыщена описаниями музеев и церквей, тонкими замечаниями о живописи и искренним восхищением неизвестными авторами. Автор, открывая себе и читателю неизвестных художников, заглядывает в итальянскую Википедию, расходитя в оценках современного искусства живописи с Бродским: «Интересно, а в Эрмитаже он на „чердак“ ходил, а если ходил, то что? Непрерывно плевался?» В. Дымшиц — а у его знаний основательная база, Эрмитаж — размышляет об особенностях венецианских живописцев прошлого, о семейных династиях венецианских художников, о сходстве итальянских футуристов с русским авангардом, дает искусствоведческий анализ отдельных полотен. А еще — удивляется пустынности венецианских музеев. «Вот интересно, те туристы, которые толпами бегут по Эрмитажу, и те, которые игнорируют венецианские музеи, — это одни и те же или разные?» Второй раз В. Дымшиц побывал в Венеции в 2018 году. Обнаружил на прежнем месте местечко, где подают лучшее венецианское белое вино. Проехал на автобусе по направлению к Падуе по заросшей ольхой венецианской Ингерманландии, мало пригодной для сельского хозяйства, но вполне для барских затей: вдоль канала (что-то вроде Старопетергофской дороги) сплошные виллы, заброшенные, но прекрасные. Огромные усадьбы, как Варшавские Лазенки или наша Знаменка. Посетил провинциальный городок Тревизо, где есть все: соборы, музеи, картины хороших художников и роскошная туристическая инфраструктура. Жанр этих записок не понятен самому автору. Не травелог, не путеводитель, не дневник. Скорее, впечатления, импрессия. Красивое, изящное, остроумное повествование в мягких тонах, где и ирония добродушна. И время доковидное.

**Ольга Богданова, Елизавета Власова. «Филологическая проза»
 Андрея Синявского. СПб.: Алетей, 2022. — 144 с. — (Петербургская
 филологическая школа).**

В 70-е годы прошлого века эссе Андрея Синявского (1925–1997) «Прогулки с Пушкиным» произвело эффект разорвавшейся бомбы сначала в кругах русской литературной эмиграции, а затем в СССР. Разве можно так неуважительно, так запанибрата: «на тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох»? Скандальной была сама фигура автора: кандидат филологических наук, вполне «академический» литературовед, свои художественные произведения в начале 60-х годов издавал на Западе под псевдонимом *Абрам Терц*. Там же напечатал статью «Что такое социалистический реализм?», в которой едко высмеивал советскую литературу. Осенью 1965 года Синявский был арестован вместе с Ю. Даниэлем по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации и в феврале 1966 года осужден Верховным судом на семь лет колонии. Оба писателя не признали себя виновными. Свое эссе о Пушкине Синявский писал в Дубровлагере в 1966–1968 годах. Под видом писем отправлял свои записки жене, Марии Васильевне Розановой, дочери философа Розанова. 8 июня 1971 года был освобожден досрочно и в 1973 году поехал во Францию, преподавал в университете «Париж IV — Сорбонна». Первая публикация «Прогулок с Пушкиным» на русском языке состоялась в Лондоне в 1975 году, в России эссе целиком вышло только в 1990 году. Споры о творчестве Синявского идут по сей день. Ольга Богданова и Елизавета Власова предлагают свой взгляд на эссе Синявского «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя», жанр которых сам автор определил как «фантастическое литературоведение». Литературоведческому анализу предшествует история создания эссе, обширный обзор «жизни» произведений в общественном и научном пространстве: литературные оценки, критические работы, публичные скандалы в пе-

чати и на литературных форумах. Рассматривается «эволюция» Сиявского от успешного советского литератора, работавшего в ИМЛИ АН СССР, читавшего лекции в МГУ до своеобразного и неординарного мыслителя. Определяются интертекстуальные пласты и переключки в эссе Сиявского «Прогулки с Пушкиным»: В. Розанов, Цветаева, Пастернак, Маяковский. Особенное внимание акцентируется на книге В. Вересаева «Пушкин в жизни», с которой Сиявский не расставался в лагере. Разрабатываются ключевые для Сиявского, волнующие его — и кошунственные для советского литературоведения — темы, поднятые в эссе. В интервью 1983 года Джону Глэду (1983) он сказал: «Ведь чуть ли не все мои вещи... вращаются вокруг одного сюжета — судьба писателя, судьба художника и тема художника...» И в этом сюжете ведущую роль играет свобода творчества, понятая и как свобода от государственных и общественных установлений, и как свобода художественных поисков творца. Важный для Сиявского вопрос — о (не)служебности творчества и (не)служебной роли творца. По Сиявскому, «искусство никому не служит, искусство независимо, искусство свободно... И Пушкин для меня как раз образец чистого искусства... лучшего знамени, чем Пушкин, для этой идеи я не видел». Размышляя о свободе в интерпретации Сиявского, авторы обращают внимание, насколько мысли и суждения Сиявского в условиях его собственной ситуации ограничения свободы проецируются на него самого, на его мысли о его собственной свободе/несвободе. Они исследуют, какое значение для Сиявского имеет принципиальный для Пушкина «триумвират»: «поэзия, любовь и свобода» (как вариант — легкость, эротизм, вольнолюбие). «Именно они, в представлении Сиявского, обеспечивают своеобразие и самобытность мира поэта, наделенного правом приоритетного выбора внутри „Треугольника“». Подробно освещена роль случая и рока в жизни творца в интерпретации Сиявского. Естественно, самое пристальное внимание уделено стилистике, фразеологии, гротесковым приемам, подчас намеренно простонародной и «полублатной» манере изложения, роли деталей и мелочей у Сиявского — всему, что способствует созданию образа живого, «освобожденного от доктрин соцреализма» Пушкина. Избранная писателем фривольно-панибратская стилистика изложения, считают авторы, с одной стороны, соответствовала легкости стиля осмысляемого Пушкина, с другой — являла творческую свободу самого Сиявского. Как и в эссе «Прогулки с Пушкиным», тема творчества и предназначения поэта и поэзии остается в центре и в эссе «В тени Гоголя», но на первый план там выходит тема творческой личности Гоголя. Авторы приходят к выводу, что Сиявский размышляет об отсутствии трагедии Гоголя в последние годы жизни и, скорее, наоборот — о благодати и очищении, достигнутом писателем и человеком на пути «отщепенства». Исследуются неожиданные для традиционной отечественной гоголевианы серьезные интерпретации, которые предлагает Сиявский, и методы, которые он использует в своей работе. Соавторы считают, что эссе Сиявского следует рассматривать как научные исследования, заслуживающие пристального внимания специалистов-филологов, пушкинистов и гоголеведов. «Фантастическое литературоведение Сиявского-Терца вовсе не фантастично, оно опосредовано исследовательской логикой, пронизано присущими литературоведу и филологу Сиявскому прозрениями и точными наблюдениями». Необходимо, считают соавторы, глубже проследить вклад Сиявского в развитие постмодернистских тенденций в русской литературе второй половины XX века. «Именно Сиявский-Терц с его „филологическими эссе“ о русских классиках — О Пушкине и Гоголе — стал родоначальником (основоположником) постмодернистского, „ассоциативного“ литературоведения, прочно утвердившегося сегодня в отечественной науке и особенно в ее зарубежной ветви... Сиявский-Терц с полным основанием может быть определен как один из фундаменталистов-основоположников современного литературного постмодернизма». Очевидно, что «споры о Сиявском» будут продолжены.

Игорь Пыхалов, Дмитрий Goblin Пучков. Польша: гиена Восточной Европы. Предисловие Дмитрия Goblina Пучкова. СПб.: Питер, 2020. — 320 с.: ил. — (Серия «Разведопрос»).

Игорь Пыхалов скрупулезно исследует ключевые моменты русско-польских отношений, начиная с принятия народами христианства и заканчивая Второй мировой войной. Вопреки пушкинским строкам, отношения Польши и Киевской Руси были умеренно враждебными, как и полагается между сильными соседями эпохи раннего феодализма. Русские и польские князья ходили друг на друга в походы, захватывали города и веси, заключали союзы, подкрепляя их династическими браками. Ситуация стала меняться с распадом единого древнерусского государства и выходом на арену Литвы, одного из ключевых геополитических игроков в течение нескольких веков, начиная с XIII века. Набеги литовцев, бывших данников Руси, на русские княжества сменились присоединением к Литве соседних земель: полоцких, витебских, минских... Боярство и князья этих земель видели в Литве защитника от монгольской орды и немецкого ордена. В 1485 году Иван III, окончательно сбросив татарское иго и присоединив к Москве Тверь и Новгород, объявил себя государем «всей Руси» и занялся собиранием русских земель. И. Пыхалов повествует о становлении Русского государства и Речи Посполитой, о ливонских войнах Ивана Грозного; о событиях Смутного времени; о Северной войне, одном из редких случаев в новой истории, когда Россия и Польша выступили как союзники; о победной дипломатии Петра Великого, закрепившего по мирному договору между Россией и Швецией в «вечное владение» за нашей страной Прибалтику. XVIII век — это и три раздела Польши, инициатива которых исходила отнюдь не от России, а одной из причин первого раздела стали гонения на всех христиан-некатоликов в Речи Посполитой. Жажда реванша была связана с наполеоновской Францией — среди стран-сателлитов Бонапарта польский контингент оказался самым многочисленным. В 1813 году решением Венского конгресса 1815 года большая часть польской территории вошла в состав России как Царство Польское. XIX век — век парадоксов: Польша в составе Российской империи как независимое государство с собственной конституцией; поляки (в том числе участники войн против России) на важнейших правительственных должностях при полонофиле Александре I; поддерживающее восставших поляков российское просвещенное общество (1830, 1863). XX век оставил немало рубцов во взаимоотношениях в ходе двух мировых войн и Гражданской войны. Книга насыщена информацией. Договора, союзы, дипломатия, сражения. Мотивы, ход, итоги разделов Польши, польских восстаний. «Забытые» надолго во имя «дружбы народов» факты. Авантюрный поход Тухачевского на Варшаву (1920), в результате которого в плен попало 165 550 красноармейцев, из них 83 500 тысяч погибли от голода и зверских пыток в польских лагерях. Покаяния со стороны Польши нет до сих пор. Захват Польшей после Мюнхенского соглашения чехословацкой Тешинской области, «сегодня в Польше стараются забыть эту страницу своей истории, в 1938 году захват Тешинской области воспринимался как национальный триумф». Приход советских войн в 1939 году в западные области Беларуси и Украины как средство остановить разгорающуюся резню поляков украинцами и белорусами, мстящими за многолетние издевательства и притеснения. И. Пыхалов обосновывает целесообразность и правомочность пакта Молотова–Риббентропа; разоблачает устойчивый миф насчет «предательства» Сталиным «героев Варшавы», доказывая вину польского эмигрантского правительства за провал Варшавского восстания (август 1944 года); открытым считает вопрос о событиях в Катывне. И. Пыхалов называет причину враждебности Польши по отношению к нашей стране: фантомные боли Польши по было-

му величию — с конца XVIII века Польша мечтает о возвращении границ 1772 года. Стартовые условия для обеих славянских держав были примерно равными, и шансы наших западных соседей выглядели куда более предпочтительными. Но именно Россия, а не Польша сумела создать великую державу, раскинувшуюся от Балтики до Тихого океана. И. Пыхалов называет и причины упадка польского государства: разрушительные междоусобицы, что многократно усугублялись присутствием на территории страны противоборствующих вражеских армий; сумасбродство, амбициозность, разобщенность шляхты. Характерный эпизод во время решающего сражения: «Королевский приказ! Не нам, пан генерал, воевать за короля-немца. Я его не выбирал, я за него не голосовал и приказов его слушать не буду». В конце концов московское самодержавие оказалось успешнее «счастливой анархии» шляхтичей. «Везение? Слепая игра случая? Нет, успех наших предков имел под собой объективные причины: большая самоотверженность, умение поступаться личными амбициями ради общих интересов, более жизнеспособная модель общественного устройства». Да и антироссийские выпады Польши, отсутствие политической гибкости, вера в поддержку Запада не раз приводили страну к коллапсу. Рассматривая отношения двух стран в исторической последовательности, И. Пыхалов приходит к выводу, что, невзирая на «стенания либеральной общественности», у России нет причин каяться перед Польшей за «исторические прегрешения». У него твердая позиция: «...у каждого государства, каждого народа есть свои собственные интересы, и они не всегда нравятся другим... Государственный деятель должен радеть об интересах своей страны, а не о соблюдении неких абстрактных моральных принципах». По ходу книги меняется тональность автора: от сдержанного повествовательного тона при погружении в средневековье до полемического, публицистического накала по мере движения истории, до жгучей иронии по отношению к тем, кто из века в век в любом русско-польском конфликте считает, что Россия заведомо не права. «Если верить всем этим интеллигентским завываниям, получается, что на протяжении сотен лет наши соотечественники только и думали о том, как бы по сильнее обидеть бедную и несчастную Польшу». При всей злободневности, резкости текста ничего унижающего поляков в книге нет. Это не Пыхалов, а Черчилль назвал Польшу гиеной Восточной Европы. И в заключение Пыхалов приводит другие сказанные более полувека назад слова У. Черчилля: «И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости». Этим честных поляков, тех, кто борется за правду, пишет Пыхалов, хотелось бы видеть нашими друзьями. В основе работы — многочисленные исторические документы, исследования и архивные данные, воспоминания современников событий, официальных лиц, дипломатов. Все источники указаны.

Василий Ульяновский. «Священство» и «царство» в начале «смуты»: московские патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 808 с.

В центре исследования — взаимоотношения Лжедмитрия I (июнь 1605 — май 1606) с православным «священством». Василий Ульяновский считает, что утверждения официальных публицистов Смутного и постсмутного времени, что Самозванец стремился уничтожить основу жизни народа — Православную церковь, не более чем миф, создававшийся правящей элитой и книжниками и использованный Василием Шуйским в борьбе с Самозванцем. И даже в наше время историография идет по «следам» этих постулатов. Обращаясь к сохранившимся документам той поры, исследователь доказывает, что никаких реформ церковной и, в частности, монастырской жизни Лжедми-

трий I не замышлял, но старался привлечь на свою сторону православное духовенство, бывшее едва ли не самым мощным фактором влияния на «всенародное множество». Подробно анализируются все (около 200) выявленные на сегодняшний день грамоты Самозванца, выданные российским монастырям, подтверждавшие грамоты его предшественников. Такое переподтверждение монастырских прав и льгот требовали установившиеся традиции. Дмитрий Иванович удостоверял право церковных институций, в первую очередь монастырей на владение землями, деревнями, селами, рыбными ловлями, беспошлинный провоз товаров... В пересмотре, по мнению автора, нуждается и превалирующий в историографии взгляд о разграблении Лжедмитрием монастырей. Историк доказывает, что монастырские средства Самозванец конфисковал исключительно на военные, то есть государственные, нужды и давал расписки в получении монастырских средств с обязательством их возвращения. Действия Ивана Грозного и Василия Шуйского были более разорительны. Лжедмитрий не принял ни одного постановления, ограничивающего монастырские землевладения, даже не подтвердил прежние запретительные указы. После жалованных грамот вторыми по важности источниками исследователь считает сведения о царских вкладах в обители, как правило, на помин души. А далее — монастырские синдики. Все эти материалы проливают свет на подлинные отношения духовенства и правящей элиты. До нас дошли не все грамоты Самозванца, указывает В. Ульяновский, и виной тому не только пожары и исторические катаклизмы. Многие исчезли не случайно. Например, от Самозванца утаивали жалованные грамоты Бориса Годунова, для подтверждения Самозванцу предъявляли грамоты его «отца» Ивана Грозного и «братца» Федора Иоанновича. Позднее Шуйскому подавали на подтверждение грамоты Годунова, но не Лжедмитрия I. Приводятся примеры осознанного уничтожения Самозванцевых грамот, выданных Соловецкому, Иосифо-Волоколамскому и Кирилло-Белозерскому монастырям. Модель исчезновения грамот Лжедмитрия I в российских монастырях стандартна. Бесследно документы исчезли и в XIX веке. Автор обращается и к тем грамотам, о которых остались только упоминания в монастырских архивах и материалах историков прежних лет. Истории вкладов, судьбы грамот, синдиков — сквозная тема книги. Исследователь анализирует архивные материалы, касающиеся главных святынь и обителей Московского царства в начале Смуты. Среди таких святынь Чудов монастырь, где инок Григорий Отрепьев писал похвалу московским святителям Петру, Алексию и Ионе; Архангельский собор с гробами «предков», Успенский собор, Благовещенский собор, Вознесенский царицын монастырь. В отношении с Самозванцем вступали все московские обители, древние, авторитетные: Богоявленский, Спасо-Андроников, Новодевичий монастыри... Тесно связанный с будущим патриархом Филаретом Новоспасский монастырь, где покоились поколения Захарьиных-Юрьевых и их потомков Романовых. Рассмотрены в подробностях отношения с царем Дмитрием Ивановичем важнейших обителей всего Московского царства. Главным среди духовных центров Московского царства предстает Троице-Сергиев монастырь, активно поддерживавший династию Годуновых. Всего в зоне внимания более двух десятков обителей Московского царства. Впервые раскрываются стиль, формы и суть взаимоотношений с Лжедмитрием I церковных центров и иерархий православного Востока: древнейших патриархатов, греческого и иерусалимского священства. Отдельные главы посвящены поведению в связи с московскими событиями львовских братчиков и «наиправославнейшего» магната украинских земель Речи Посполитой князя В. Острожского. Большое внимание автор уделяет сакральному и профанному в религиозных воззрениях «Самозванцева времени». Он пытается понять, почему за короткий период священство от заздравных молитв за царя Бориса Годунова и анафемы Гришке Отрепьеву перешло

вычеркивая из служебников династию Годуновых, к заздравным молитвам за царя Дмитрия Ивановича, а потом к новой анафеме еретика Гришке Отрепьеву. Ответ он ищет в «мистических переживаниях истории» во времена Смуты, когда все события, знамения, видения из «небесного мира», прежде всего природные, воспринимались как проявление некоего высшего смысла. Вера и неверие в воскрешение царевича Дмитрия носила не меркантильный характер, а была вполне искренней. Свой ответ предлагали публицисты времени Смуты: Божьим попусшением Годунов был наказан за все неправые деяния, особенно за сам путь его к царствованию. Господь попустил дьявольские козни, «сосудом дьявольским» стал Самозванец, фактически совершивший суд Божий над царем Борисом и его семьей. Затем же и сам «сатанинский слуга» был изболбичен и уничтожен. Его царствование было кратковременным торжеством «зла» над «злом». Изначально Лжедмитрий воспринимался не только как карающий меч Годуновых, но и как истинный царевич, который восстанавливает «старину» в государстве. В. Ульяновский не «обеляет» Лжедмитрия, но стремится показать отношение к нему священства во всех фазах его истории: годуновской, царской, посмертной. Показать разнообразие, особенности и нюансы жизни российского общества «Самозванцева времени» автору помогают не только документы того времени, но и свидетельства очевидцев событий, отечественных и иностранных, публицистика конца Смутного времени и времен первых Романовых, работы позднейших историков и исследователей. В центре внимания также дела и люди тех времен. Созданы яркие портреты исторических деятелей. Первый патриарх Московский Иов, преданный соратник Бориса Годунова, отказавшийся признать Лжедмитрия, за что и был сослан. Ставленник Самозванца Патриарх Игнатий, ортодоксальный грек, принявший в конце жизни унию. Патриарх Гермоген, обличитель Лжедмитрия и его последователей сразу после интронизации Самозванца. Патриарх Филарет (Романов), другие отцы Церкви, праведные и святые, а также Борис Годунов, его дочь Ксения, Василий Шуйский, Лжедмитрий I... Со многими героями этой книги связаны интригующие загадки, спорные сюжеты, гипотезы и факты.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)